

ОБЪЕКТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, опричнина не была антибоярским мероприятием. Более того, она даже не изменила структуру русского феодального землевладения. Крупное землевладение, в том числе и княжеское, сохранилось. Например, в начале XVII века средний размер княжеских вотчин и поместий в 2 раза превышал средний размер имений нетитулованных феодалов. Даже в конце XVII века большинство князей, входивших в Боярскую думу, владели хотя бы символическими вотчинами в своих родовых гнездах. В 20-х годах XVII века князья Оболенские сохранили в своем бывшем княжестве большую часть пахотных земель.

Так что же, опричнина всего лишь прихоть полубезумного деспота, несчастный случай? Думается, положительный ответ на этот вопрос упростил бы историческую действительность. Ведь какой бы яркой ни была историческая личность, какой бы глубокий отпечаток (приятный нам или неприятный) ни наложила она на ход конкретного исторического развития, не уйдешь от вопроса: какие причины, коренившиеся в развитии социальных отношений, в национальных традициях, в соотношении сил позволили этой личности проявиться именно так?

У царя Ивана, разумеется, были и какие-то отклонения от психической нормы (хотя я бы поостерегся просить врача-психиатра через четыре века с лишним ставить точный диагноз на основании фрагментарно сохранившихся источников). Но "медицинское" объяснение большого периода истории огромной страны явно неудовлетворительно. В самом деле, возможно ли, чтобы в правовом государстве, хотя бы и абсолютистском, не вполне нормальный психически монарх казнил десятки тысяч невинных людей? Уже при первых признаках проявления его бешеного нрава он был бы легально, по заранее разработанным правовым нормам отстранен от реальной власти, которая перешла бы к наследнику или регенту, возможно, коллективному-регентскому совету. Такие случаи известны в европейской истории XVIII-XIX веков.

При недостаточном развитии правовых норм и правосознания возможна и другая ситуация: нежелание господствующего класса смириться с попранием своего достоинства, с нарушением своих освященных традициями привилегий. Тогда возможен дворцовый переворот, как не раз бывало в России XVIII века. Недаром об этом времени говорили, что в России существует самодержавие, ограниченное не парламентом, а цареубийством. Нет, не выходит решать вопрос об опричнине только через призму сумасбродств Ивана IV.

Поставим еще один вопрос. Случайно ли, что во времена, когда идет становление единых государств, на престолах, как по заказу, появляются тираны? Людовик XI во Франции, Генрих VIII в Англии, Филипп II в Испании... Нет ли и здесь какой-то закономерности?

В поисках ответа на вопрос о смысле опричнины попробуем обратиться к ее результатам. Здесь, впрочем, необходима одна оговорка. Объективные результаты того или иного события, явления, действия, учреждения необходимо строго отделять от субъективных намерений политических и государственных деятелей. Вряд ли Иван Грозный ставил перед собой большие государственные задачи, сомнительно, чтобы им реально руководили какие бы то ни было стремления кроме укрепления личной власти. Но результат политики, да еще столь импульсивной, как у царя Ивана, часто оказывается непредсказуемым.

Итак, к результатам! Казнь Владимира Андреевича Старицкого. Судя по всему, ни сам старицкий князь, ни его мать, ни тем более его жена и дочь ни в чем не были виноваты. Это была гнусная расправа над невинными людьми. Но мы ищем не оправданий, а смысла. Результатом гибели князя Владимира оказалась ликвидация последнего удельного княжества на Руси. Правда, иной раз выставляют возражения. Уцелевший сын Владимира Андреевича, кажется, на время получил отцовский удел. Но, во-первых, сведения об это слишком туманны, а во-вторых, этот княжич вскоре умер. Вспоминают далее об уделах крещеного татарского царевича Симеона Бекбулатовича, владевшего Тверью и Торжком в качестве великого князя и княжившего в Угличе после смерти Ивана IV и царевича Дмитрия, который там трагически погиб в 1591 году. Но и эти примеры не доказательны. Ни Симеон, ни Дмитрий не играли никакой самостоятельной роли, не имели своих боярских дум и воевод, их права в основном ограничивались получением доходов с данных им в удел территорий.

Обращают внимание на завещание самого Ивана IV, в котором он выделяет младшему сыну - царевичу Федору необычно большой удел. Но и это завещание не восстановило удельную систему. Дело не в том, что завещание осталось невыполненным из-за гибели старшего брата Федора-царевича - Ивана Ивановича. Важнее другое. Царь выделял младшему сыну удел лишь формально, следуя традиции. Вместе с тем он советует детям: *"А докудова вас бог помилует, свободит от бед (а разве когда-нибудь кончаются "беды"-трудности? - В. К.), и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была"*. Реально выделять удел младшему наследнику царь таким образом не советует, а решение этого вопроса оставляет полностью в компетенции будущего царя. Старшему сыну он рекомендует заботиться о младшем, *"чтобы ему не в досаду, что ему на дашь удела и казны"*; Федора же отец наставляет, чтобы он не просил у старшего брата удела. Итак, что ни говори, а казнь князя Владимира Андреевича ознаменовала конец удельной системы на Руси.

Другой важный эпизод опричнины - дело митрополита Филиппа. Надеюсь, даже при беглом чтении видно, что Филипп не вызывает у автора иных чувств, кроме восхищения мужеством, героизмом, с которым он выступил против опричного террора. Филипп - одна из самых светлых личностей в нашей истории. Но вспомним про объективный результат этого дела. Церковь была союзницей, а не служанкой центральной власти, сохранила относительную самостоятельность. Такое ее положение во многом поддерживалось огромными земельными владениями митрополичьей кафедры, сравнимыми по размерам и объему власти митрополита с удельными княжествами. Это был такой же пережиток удельной старины, как и Старицкое княжество. Гибель митрополита Филиппа, казни архиепископов Германа, Леонида и многих других духовных лиц нанесли удар, хотя и не окончательный, по этому особому положению церкви в

государстве. Хотелось бы лишь отметить, что автор вовсе не уверен, что независимая, хотя бы отчасти, церковь - вредна, а подчинение ее государству - во всех случаях - благо. Речь идет лишь о реальных политических итогах.

Наконец, новгородский погром: варварский, вызывающий чувства негодования и омерзения. Но и Новгород не случайно был избран царем Иваном для нанесения удара. Ведь там буквально все дышало воспоминаниями о прежней независимости от Москвы, что отразилось и в новгородском летописании. Да и в политическом строе здесь сохранялись некоторые особенности, уходившие корнями во времена феодальной раздробленности. Можно назвать традицию, согласно которой наместниками в Новгород назначали только людей с княжескими титулами (как бы новгородских князей), что эти наместники имели к тому же право самостоятельных сношений с некоторыми иностранными государствами. Особым было и положение новгородского архиепископа. Он, например, единственный из архиепископов и епископов носил белый, а не черный клобук. Белый же клобук был знаком митрополичьего достоинства.

Таким образом, получается, что вне зависимости от желаний и намерений царя Ивана опричнина способствовала централизации, была объективно направлена против пережитков удельного времени.